



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.4.3>

UDC 902/904  
LBC 63.4

Submitted: 01.09.2017  
Accepted: 20.09.2017

## THE NAZAROV COMPLEX OF THE LOWER DON: ON ZOROASTRIANISM OF THE KHAZAR ETHNOS<sup>1</sup>

Leonid S. Ilyukov

Laboratory of Archaeology of Academic Department of SSC RAS Presidium, Rostov-on-Don, Russian Federation

**Abstract.** Among the early medieval antiquities of the Lower Don basin, two funerary complexes are of interest. One was accidentally discovered in 1914 in the Cossack village Nazarov, and the other – near the settlement Bolshaya Orlovka in 1972. Based upon the Byzantine solidities, found in their inventory, they date from the first half of the 8<sup>th</sup> century. Two iron lamps in the form of bowls on a high leg were found in these funerary complexes along with a diverse and prestigious inventory. In addition to them, two iron composite altars of different sizes were found in the Bolshaya Orlovka. In the early medieval burial mound near the Brusyana village in the Volga region a solidcast iron lamp-altar was found, consisting of a bowl in the form of a concave disc on a long leg, which was welded in the center of a hexagonal bowl with low straight sides and a flat bottom. Short legs are located at its three corners. Typologically Brusian discovery was later than those of the Nazarov and the Bolshaya Orlovka. It unites the altar, consisting of three bowls with low straight bows and a flat bottom, with a lamp. Short legs are located at its three corners of the bowls. These were specific bowls that were used to carry fire during rituals of steppe nomads who had close cultural contacts with the fire worshipers of Sasanid Iran, whose population professed Zoroastrianism.

**Key words:** burial complex, lamp, altar, Khazar culture, Zoroastrianism.

**Citation.** Ilyukov L.S. The Nazarov Complex of the Lower Don: on Zoroastrianism of the Khazar Ethnos. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnoshenija* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2017, vol. 22, no. 4, pp. 28-39 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.4.3>

УДК 902/904  
ББК 63.4

Дата поступления статьи: 01.09.2017  
Дата принятия статьи: 20.09.2017

## НАЗАРОВСКИЙ КОМПЛЕКС ИЗ НИЖНЕГО ПОДОНЬЯ: К ВОПРОСУ О ЗОРОАСТРИЗМЕ У ХАЗАР<sup>1</sup>

Леонид Сергеевич Илюков

Лаборатория археологии научной части Президиума ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

**Аннотация.** Среди раннесредневековых древностей бассейна Нижнего Дона интересны два погребальных комплекса. Один случайно был открыт в 1914 г. у хут. Назаров, другой – у р.п. Большая Орловка в 1972 году. Судя по византийским солидам, обнаруженным в их инвентаре, они датируются первой половиной VIII века. В этих погребальных комплексах, кроме разнообразного и престижного инвентаря, обнаружены два железных светильника в виде чаш на высокой ножке. Кроме них, в Большой Орловке найдены два железных составных жертвенника разного размера. В раннесредневековом могильнике у с. Брюсыны в Поволжье обнаружен цельнолитой железный светильник-жертвенник, состоявший из чаши в виде вогнутого диска на длинной ножке, которая была приварена в центре шестиугольной чаши с невысокими прямыми бортиками и плоским дном. По ее трем углам расположены короткие ножки. Типологически брусынская находка позже назаровской и большеорловской. В ней соединен жертвенник, состоявший из трех чаш с невысокими прямыми бортиками и плоским дном, со светильником. По трем углам чаш расположены короткие ножки. Это были специфические чаши, которые использовались для переноски огня во время ритуалов в среде степных кочевников, имевших тесные культурные контакты с огнепоклонниками сасанидского Ирана, население которого исповедовало зороастризм.

**Ключевые слова:** погребальный комплекс, светильник, жертвенник, хазарская культура, зороастризм.

**Цитирование.** Ильюков Л. С. Назаровский комплекс из Нижнего Подонья: к вопросу о зороастризме у хазар // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2017. – Т. 22, № 4. – С. 28–39. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.4.3>

Религия хазар еще слабо изучена. Письменных источников недостаточно. Более наглядно в материальной культуре восточноевропейских кочевников представлены следы византийской и сасанидской культур, в основном нашедшие отражение в многочисленных изделиях материальной культуры, которые оседали в степных курганах во время погребальных обрядов. Исключительно ценным источником по истории религии у хазар являются курганные погребения. Одно из них случайно было открыто в 1914 г. близ хут. Назаровского, вскоре эти находки были депаспортизированы, они частично сохранились в Новочеркасском музее истории донского казачества, второе обнаружено в разрушенном кургане у слободы Большая Орловка в 1972 г. [15, с. 113–116] (по-видимому, не все большеорловские вещи были собраны и переданы в Ростовский областной музей краеведения). Они относятся ко времени существования в донских степях раннесредневековых кочевников, известных под именем хазары. Эти материалы опубликованы [10; 11]. В каждом из этих комплексов имеются специфические культовые изделия, которые позволяют поставить вопрос о наличии у раннесредневековых кочевников – хазар религиозных представлений, связанных с иранской религиозной системой – с зороастризмом, в котором особое место отводилось поклонению огню. Одним из ее символов был большой сосуд, наполненный огнем. Нередко он возвышался на ступенчатом постаменте или алтаре. Согласно тюркским представлениям, дух огня помогал душе умершего переправиться в мир мертвых.

Сведения о погребальном обряде назаровского комплекса не сохранились. Найдены различные украшения (золотые серьги и перстни), от костюма – пара золотых застежек – аграфов и пуговицы, бронзовая квадратная пряжка с перемычкой и подвижным язычком, туалетные детали – желез-

ные шипчики и серебряная копоушка, стеклянные бусы и большое бронзовое зеркало. Вместе с ними находились четыре византийских солида (Юстиниана II и Льва III), совершенно не потертые и не имевшие отверстий для нанизывания на шнурок. На одном из солидов Льва III на оборотной стороне изображен Константин V. Монеты Льва III с сопровителем Константином V найдены в ряде нижнедонских подкурганых погребений [16, с. 93]. Кроме того, в данный комплекс входили железные стремена, удила с зооморфными псалиями, железный котел на треноге и серебряный сасанидский кувшин с зооморфной ручкой и высоким поддоном (дважды он был неверно реконструирован) [11, с. 180, 181, рис. 6; 15]. Стык горла и тулова скрывала орнаментальная лента, однако само горло не сохранилось. Целые сасанидские кувшины (рис. 1, 2, 3) позволяют пересмотреть ранее сделанный вариант реконструкции назаровского сосуда. Обычно их поверхность покрыта тисненым орнаментом, нередко горло и ножка окольцованы валиками (см. рис. 1, 1). Эти детали присутствуют на большеорловском бронзовом сосуде или бутылки [10, с. 89, рис. 20]. Аналогичная, но более изящная ручка с зооморфным оформлением окончаний, имеется на одном постсасанидском кувшине, который датируется VIII – началом IX века. Он хранится в Эрмитаже [18, с. 98, № 50].

Назаровский железный котел (ведро) подвешивался на крюке, который был шарнирно закреплен и свисал по центру внутреннего пространства треноги. Ножки треноги были дуговидно изогнуты. Они имели шарнирное соединение на ее вершине. К этому шарнирному соединению крепилась восьмерковидная петля, а к ней – небольшой крюк для подвешивания котла. Крюк был сделан из согнутого пополам витого прута, концы которого склепаны в полуовальную пластинку. Дуги треноги оканчивались миниатюрными овальными лапками, резко отогнутыми в



Рис. 1. Сасанидские сосуды:

1 – Назаров, реконструкция; 2, 3 – целые сасанидские кувшины

Fig. 1. Sasanid vessels:

1 – Nazarov, reconstruction; 2, 3 – preserved Sasanid jugs

сторону. Корпус котла невысокий, баночной формы с резко отогнутым плоским венчиком, под которым находился обруч с двумя петлями, расположенными на противоположных сторонах. Котел имеет железную дуговидную ручку с небольшими округлыми петлями. Она соединялась с выступавшими петлями на корпусе котла [11, рис. 2]. Близкие по форме сасанидские серебряные ведра с обручем для крепления ручки найдены в карасевском, климовском и редикорском кладах [9, с. 13, 23, 25, табл. 12, 4, 5; 14, 1]. Железный котел баночной формы с дужкой и железный треножник найдены в могильнике Саловский I. Эти вещи плохо сохранились. Нижняя часть ножки треножника представляла собой стержень, а верхняя – прямоугольную пластину [13, с. 122, рис. 10, 5]. По-видимому, ножка саловского треножника перекликалась с ножками донских светильников (Назаров, Большая Орловка).

В назаровский комплекс входит железный светильник, который имеет полусферическую чашу на длинной ножке. К ее дну крестовидно были приварены две железные ленты. Между ними по бортику чаши располо-

жены четыре едва заметных полуовальных бугорка, выполненных изнутри самой чаши. К месту пересечения лент приварено основание железного стержня, который в средней части был витым и заканчивается острым четырехгранным штырем. Высота светильника 39 см, диаметр чаши 17,5 см, ее глубина 5 см (рис. 2, 1).

Судя по нумерации архивных фотографий, данный комплекс имел еще ряд вещей, не сохранившихся до настоящего времени. Возможно, среди них были детали от железного разборного жертвенника.

Набор вещей из назаровского комплекса позволяет предположить, что он был связан с женским погребением, в котором умершую похоронили в плаще с застежками, выполненными в византийском стиле. К этому же стилю относились оба золотых перстня, найденных в данном комплексе. Византийские солиды, не имевшие следов использования в качестве украшений, лишь подчеркивали высокий социальный статус погребенной. Солиды датируют этот комплекс концом 30-х – началом 40-х гг. VIII в. или более широко – второй четвертью VIII века [11, с. 191, 192].

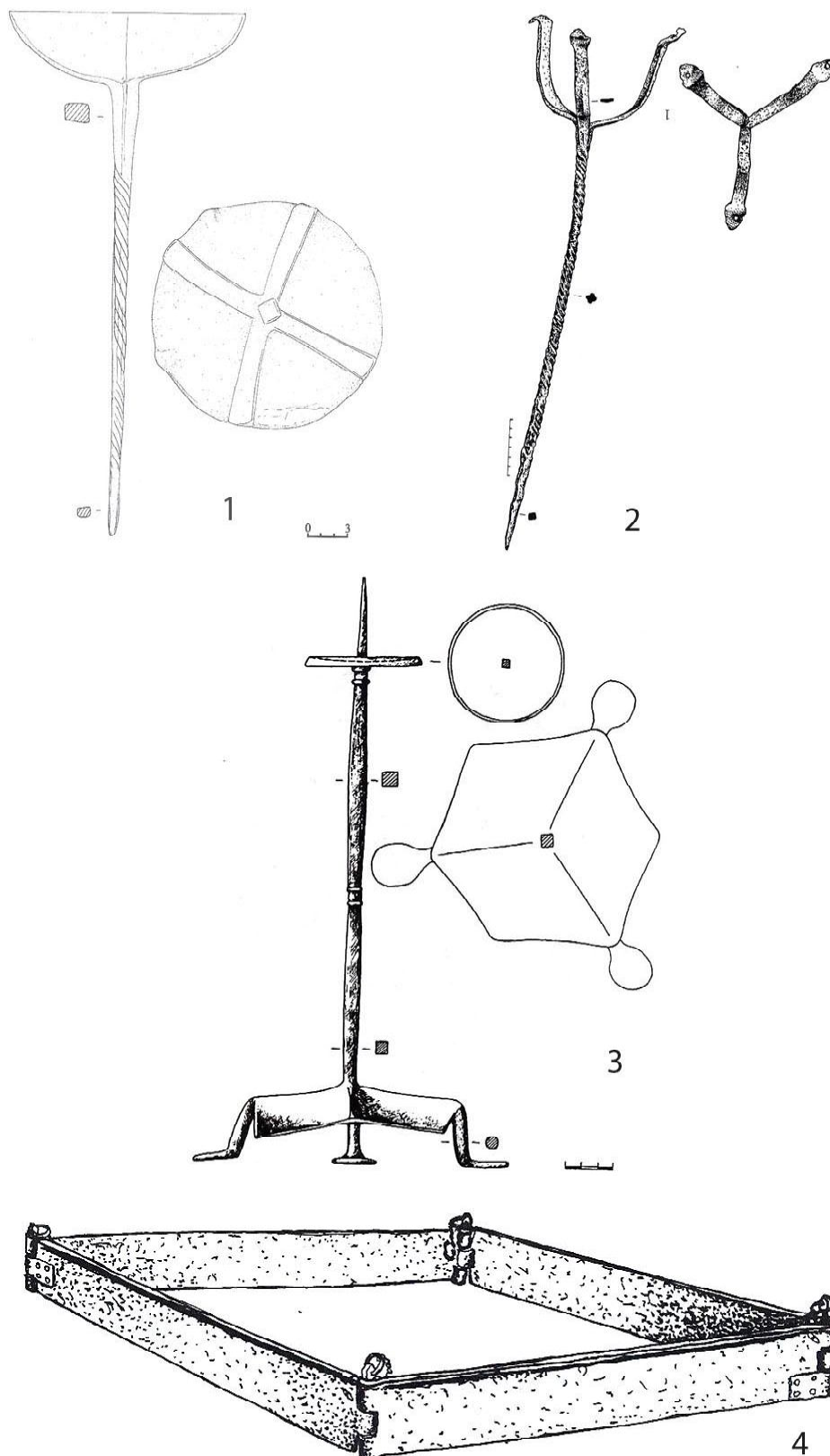


Рис. 2. Железные светильники и «жертвенник»:

1 – из назаровского комплекса; 2, 4 – Большая Орловка; 3 – могильник Бруснянский III

Fig. 2. Iron lamps and the “altar”:

1 – from the Nazarov complex; 2, 4 – the Bolshaya Orlovka; 3 – Brusyana III burial mound

Ближайшие аналогии назаровскому комплексу обнаружены в разрушенном кургане у Большой Орловки. Отсюда происходит большая коллекция вещей. Среди них: 15 комплектов железных удил с зооморфными псалями; трапециевидные стремяна с выделенной петлей; большие и мелкие железные штыри с цепочками; разборные подквадратные железные «жертвенники» двух размеров; пять позолоченных бронзовых шаровидных наверший; 35 небольших бронзовых бубенчиков в виде плодов ореха, с шариком внутри; железные и бронзовые пряжки с перемычкой и подвижным язычком; железная трубка, один конец которой был опоясан валиком, украшенным серебряной ленточкой; железная пластина, у которой один конец двурогий, а противоположный – острый, на ее поверхности выступает проволоочная петелька.

Кроме того, найдены детали костюма – серебряный позолоченный наконечник ремня и обойма к нему, подвеска от серьги в виде золотого колесика, фрагмент золотой ленты и квадратные бляшки с тисненым растительным орнаментом (44 экз.), миниатюрная золотая пластинка в виде маски человека, крепившаяся гвоздиком к деревянной поверхности кубка (?), половинка круглой бронзовой бляхи с тисненым растительным узором на кожаную или деревянную поверхность, бронзовая посуда (кувшин, блюдо, позолоченный кубок), деревянный кувшин, скрепленный бронзовыми обручами. Из этого разрушенного комплекса происходит византийский солид Тиберия III. Монета не имеет следов потертости от длительного употребления, по ее краю пробито отверстие для подвешивания [10, с. 89, вклейка к статье, фото 1]. По-видимому, она входила в состав ожерелья. Допустить ее запаздывание в данном комплексе «совершенно неприемлемо», ее дата укладывается в первую четверть VIII в. [5, с. 117, 118].

В большеорловский комплекс входили два комплекта деталей железных жертвенников, которые собирались при помощи петель и штырей с головками, каждый из которых имел колечко с цепочкой (рис. 2, 2). У каждой створки верхний продольный край был подогнут, а нижний – прямой для лучшего его закрепления на поверхности земли. Размеры одной конструкции  $85 \times 66 \times 10,3\text{--}11,5$  см, дру-

гой –  $97 \times 91,5 \times 10,3\text{--}15$  см. Кроме того, в данный комплекс входил железный светильник, имевший длинную ножку. Она сделана из трех пластинчатых железных лент, скрученных в средней части. Нижней конец ножки был преобразован в четырехгранный острый штырь. В верхней части три ленты светильника дуговидно изогнуты, из них получился крестовидный каркас под полусферическую чашу (не сохранилась). По-видимому, она тоже была железной. Ее диаметр не превышал 8 см. Плоский венчик, резко отогнутый от тулова, имел три отверстия, которые соединялись с тремя отверстиями, расположенными в пластинчатых окончаниях крестовидного каркаса светильника. Чаша и ножки соединялись при помощи трех заклепок с шляпками [10, с. 86, рис. 6, 5; 9].

В конструкции назаровского котла с треногой использовался тот же принцип, что и при создании светильников на высокой ножке. В одном случае ко дну полусферической чаши было приварено крестовидное перекрестье (Назаров), в другом – на вершине ножки располагалась крестовидная «корзинка», в которую можно было легко поместить полусферическую чашу и закрепить ее при помощи трех заклепок (Большая Орловка).

В начале 2000-х гг. к западу от г. Цимлянска, около большого «Синего кургана», высота которого достигала 10 м, была собрана большая коллекция железных вещей VIII века. Находки происходили с площадки размером  $130 \times 130$  м. Среди железных вещей: уздечные принадлежности, наконечники стрел, стержень (длиной 25,3 см) с головкой, в которую было вставлено кольцо, фрагменты цепочек, пряжки, гвозди, оковка с гвоздиками; медные изделия с позолотой: пряжка и квадратные бляшки; круглые серебряные бляшки [20]. Ближайшие аналогии стержню имеются в Большой Орловке, там подобные стержни скрепляли створки небольших пластинчатых конструкций подквадратной формы [20, с. 22].

Насколько связаны между собой светильник и квадратный «жертвенник» стало ясно после находки, сделанной в Среднем Поволжье в Брусаянской курганной группе III в кургане 1, где железный светильник на высокой ножке монолитно был соединен с жертвенником (рис. 2, 3) [4, с. 191, 192,

табл. XVIII, 4]. В этом кургане, опоясанном большим прямоугольным рвом, открыта круглая могила, на дне которой, по периметру, была прокопана канавка глубиной до 0,5 м. Могила имела накат из бревен. Поверх дна ямы и канавки прослежен глен от ткани бордового цвета. Могила ограблена. На ее дне зафиксирована кучка человеческих костей и остатки инвентаря. В его состав входил оригинальный железный предмет. Он имеет высокую ножку, квадратную в сечении, с острым верхним концом. В двух местах он перехвачен валиками. На ее острый конец насажена слегка вогнутая круглая пластина, которая упиралась в верхнюю кольцевидную перетяжку. Эта конструкция напоминает назаровский и большеорловский светильники, но в отличие от них ножка бруснянского светильника сделана из одного четырехгранного прута с двумя перетяжками, а не из трех узких частично скрученных пластин (Назаров, Большая Орловка). В отличие от донских находок, имевших острую ножку, чтобы воткнуть ее в поверхность земли, у бруснянского предмета конец ножки был приварен к центру шестиугольной чаши с прямыми бортиками высотой 2 см. К трем верхним углам чаши приварены короткие изогнутые стерженьки, круглые в сечении. Каждый из них имеет плоскую овальную лапку [4, с. 192, табл. XVIII, 4]. В отличие от большеорловской находки, бруснянская имеет шестиугольное дно с невысоким бортиком и три ножки, почти как у трехногих светильников. По-видимому, бруснянская находка представляет собой «слияние» двух предметов: трехного светильника и створчатого жертвенника. Судя по бруснянской находке, в которой соединены три квадратные плоскодонные чаши с невысокими прямыми бортиками и плоским дном, в большеорловском комплексе должны были находиться три разновеликих разборных жертвенника. По трем углам бруснянской находки расположены короткие ножки. По-видимому, это были специфические чаши. В античное время известны треножники с железной чашей на высокой ножке. Иногда по краям этой чаши или диска, который ее замещал, располагались четыре головы животных. Античные треножники входили в группу культовых изделий, связанных с космогоническими представлениями индоевропейцев [1].

У степных кочевников, имевших тесные культурные контакты с огнепоклонниками сасанидского Ирана, население которого исповедовало зороастризм, треножники использовались для переноски огня во время ритуала.

Если оба донские светильника имеют полусферические чаши для огня, то у бруснянской находки чаша представляет собой едва вогнутый диск. Вероятно, железный «жертвенник» и светильник были взаимосвязанными. По-видимому, донские изделия появились раньше, чем бруснянская находка. И в то же время железная бруснянская находка с многоугольной плоской чашей и вогнутым диском на высокой ножке более сложная, чем простые донские изделия. В большеорловском комплексе, кроме светильника на длинной ножке, были найдены два разборных четырехугольных железных жертвенника прямоугольной и квадратной формы. Они не имели дна и различались размерами. Высота их бортика 11,5 см и 15 см. Эти конструкции собирались при помощи парных петель, расположенных на концах пластин, и при помощи штырей с граненой головкой, в которую было продето колечко [10, с. 86, 87, 90, рис. 6–9]. Железная оградка, поставленная на землю, прищипывалась к ней штырями, длина которых была немногим больше высоты створки самого жертвенника. Чтобы избежать утраты деталей, поскольку эти действия проводились неоднократно, головки штырей были снабжены колечками, к ним крепились цепочки. По-видимому, разборные створчатые изделия являлись жертвенниками. Они семантически могут быть сопоставимы со рвами подквадратной формы, которые были распространены у раннесредневековых кочевников Хазарского каганата. Рвы ограничивали подкурганную площадку. Нередко курганный холм был смещен в рамках оградки. Находки и остатки жертвоприношений находятся не на курганной площадке, а концентрируются в заполнении рва, ограждавшего ее.

По мнению В.Е. Флеровой, проблема подкурганных захоронений в Восточной Европе затрагивает более сложную тему взаимодействия иранского и тюрского эпосов [19, с. 71].

У хазар мир представлялся в виде нескольких квадратов, уменьшавшихся в размерах. Меньший из них, размером 3 × 3 фарсаха, занимал каган [17, с. 11]. Во время соверше-

ния погребального обряда на родовом кладбище моделировался центр «мира», в который помещался усопший. По-видимому, в центр большой или миниатюрной площадки, опоясанной рвом или створками железного жертвенника, втыкали шест, на вершине которого находилась чаша с огнем (?). В некоторых случаях на вершину шеста или железного стержня с приостренным концом насаживали свечу или деревянный «чурбак», и их поджигали. Со временем, по мере исполнения ежегодных поминальных обрядов, размеры этой ритуальной площадки как бы «таяли», подобно «шагрене-вой коже». При совершении следующего цикла обрядов требовалась площадка меньшего размера. Ее появление как бы символизировало движение души покойного в потустороннем мире при прощании с ним родственников. Для этих целей требовалась площадка меньшего размера. В погребальной практике это вело к появлению ровика меньшей величины, который примыкал к ровику большего размера, содержавшего останки умершего.

В хазарское время квадратуре мира придавалось особое значение [7, с. 151]. Отмечая

анalogии в тюркском мире, исследователи ставят вопрос о сарматском наследии в культуре раннего средневековья [19, с. 80]. Испытывая сильное влияние в материальной культуре со стороны Византии и сасанидского Ирана, культура раннесредневековых кочевников Восточной Европы оставалась языческой.

На одной из персидских миниатюр, которая иллюстрирует поэму Фирдоуси «Шахнаме» (XII в.), правитель восседает, поджав ноги, в центре квадратного столика на ножках, ограниченного невысоким бортиком, который по углам соединен четырьмя невысокими шестами, возвышающимися над этим сооружением. Верх шестов стягивает тонкий канат. С одной стороны он имеет перемычку для входа внутрь пространства (рис. 3). Не исключено, что иранская традиция помещения человека в квадратное пространство мира могла уходить в глубь веков. Территория Хазарского каганата делилась на неравные квадраты, в самом меньшем из них жил каган Иосиф [17, с. 11]. По данным Иосифа, размер Хазарского домена равнялся: на восток 20 фарсах, на юг – 30 фарсах, на запад – 30 фарса-



Рис. 3. Миниатюра из поэмы «Шахнаме» Фирдоуси  
Fig. 3. Miniature from the poem *Shakhnama* by Ferdowsi

хов, на север – 20 фарсахов [12, с. 103]. По подсчетам С.А. Плетневой, размер домена равнялся 50 × 50 фарсахов [17, с. 11].

По-видимому, во время погребального ритуала железный сосуд с огнем находился над землей. Особое отношение к нему было связано с особым значением огня в ритуале. Для действий, связанных с огненным ритуалом, в быту появились специальные сосуды, железные светильники на длинной ножке. В каких-то случаях огонь мог находиться даже в котле, который приподнимали над землей. По-видимому, поэтому в раннем средневековье появляются треножники для плоскодонных котлов, известных в иранском мире как ведра, выкованные из бронзы или серебра.

Огнепоклонниками являлись представители одной из религий Древнего Ирана, с носителями которой соприкоснулись кочевые племена северных степей. Многие исследователи неоднократно отмечали большой вклад сасанидской культуры в культуру Хазарского каганата [2]. В этот период в Иране процветал зороастризм. Огонь являлся его символом. По мнению зороастристов, он являлся образом бога на земле [6]. Культура хазарских кочевников, оставивших подкурганские захоронения, опоясанные рвами подквадратной формы [3, с. 54], испытала значительное влияние ряда мировых религий, оставаясь, по сути, языческой. Зороастристы не зарывали трупы в землю и не сжигали их. Традиционно их оставляли на открытом, специально подготовленном месте или в специальном сооружении – «дахме» («башня молчания») – для утилизации птицами и собаками. По их представлениям, труп – это не человек, а оскверняющая материя. После очистки скелета от мягких тканей и их высушивания эти останки помещали в урны.

В отличие от иранских зороастристов, хазары зарывали своих покойников под курганными насыпями и ограждали их ровиками подквадратных очертаний, перекликавшихся с жертвенниками, в центре которых, по-видимому, находился священный огонь, поднятый над землей в чаше на железной ножке.

Традиции огнепоклонников нашли отклик в мировоззрении северных кочевников – хазар. Наряду с другими инновациями сасанидской культуры, здесь появляются атрибуты,

чуждые местным племенам. «Общение» с огнем, являвшимся источником света и тепла, предполагало специальные предметы. В религии зороастризма священным является храмовый огонь, а не само здание храма. Вероятно, эта парадигма решалась простым способом: огонь ограждался железными створами разборного жертвенника – «храма». В его центр помещали (втыкали) светильник с огнем. Вероятно, огонь жертвенника и светильника семантически были близки между собой. Вряд ли такие оригинальные предметы использовались в быту. По-видимому, они являлись культовыми изделиями и использовались в культовой практике, в которой огню отводилась особая роль. Не исключено, что некоторые из них были позаимствованы в результате тесных культурных контактов с населением сасанидского Ирана.

В настоящее время индийские зороастристы используют подквадратные невысокие жертвенники с четырьмя створками. Внутри них находится огонь. Такой жертвенник с четырьмя створчатыми деревянными стенками устанавливается в культовом помещении (рис. 4). Возможно, в жертвенник, на его дно, ставят металлическое блюдо, в котором пылает огонь. Пол вокруг такого жертвенника окаймляет широкая двойная лента, нанесенная мелом. К ней лепится орнамент. По ее углам расположены меловые «скрепы», а по бокам каждой стенки жертвенника на полу мелом изображены растительные бутоны. Таким образом, деревянный жертвенник оказывается внутри белой рамы, нарисованной на полу. По одну из его сторон на полу белыми линиями изображен квадрат, но меньшего размера, чем сам жертвенник. В этот квадрат вписан круг, выполненный двойной белой лентой, а вокруг него сделан еще один белый круг, и в его центр поставлено неглубокое блюдо, по-видимому, с «растительными» приношениями. Все белые линии вокруг жертвенника и около него на поверхности пола являются отпечатками шнура, побеленного мелом. В некоторых местах эти отпечатки затоптаны. Меньший квадрат, нарисованный на полу, обнесен еще одной окружностью, которая составлена из каких-то светлокоричневых «цветов». Около одного из углов этого квадрата изображен еще один, третий квадрат, но еще меньших размеров, чем два





Рис. 4. Зороастризм. Помещение с культовыми атрибутами

Fig. 4. Zoroastrianism. Room with cult attributes

других, и в него вписан белыми линиями «растительный побег» (?), опоясанный двойной меловой линией. Кроме того, третий квадрат наполовину опоясывает светло-коричневая гирлянда. Около двух небольших квадратов, изображенных на полу, стоит вертикальный шест на треноге, в нескольких местах он перетянут тройными кольцами, из них центральное имеет шаровидную форму, а по его краям расположены два дисковидных. У основания треноги на шест нанизан шар, который в несколько раз крупнее мелких колец на этом стержне. Венчает шест острие (рис. 4). По-видимому, сам предмет был деревянным [22]. Столь подробное описание зороастрийского ритуального комплекса, состоявшего из трех квадратов и светильника, имеет важное значение для понимания археологических предметов. В зороастрийском жертвеннике, который был «вставлен» в подквадратное пространство, изображенное на полу, находится огонь, а в двух других квадратах, тоже нарисованных на полу и уменьшавшихся в размерах, помещены приношения. В

средний квадрат поставлено блюдо с растительными приношениями, а в меньший – лишь рисунок возможного приношения (?). Около нарисованных квадратов стоит шест на треноге с заостренной вершиной. В его основании расположен «шар». Несомненно, эти культовые аксессуары перекликаются с археологическими предметами раннего средневековья.

Арабский автор IX в. Гардизи, описывая хазарское войско, указал: «У них есть авангард, который едет впереди войска и носит перед царем сделанные из воска свечи и светильники; при свете их едет царь с войском» [8]<sup>2</sup>.

В письме кагана Иосифа есть такая фраза: «И поверил Господу и сделал, как тот [ему] сказал. Он пошел и вел многие войны и одержал в них, с помощью Всемогущего, победу. Он опустошил [этот] город, взял имущество и благополучно вернулся. Он посвятил их [Богу] и выстроил благодаря им шатер, ковчег, светильник, стол, жертвенники и священные сосуды» (цит. по: [14]).

В обоих письменных источниках хазарский каган по случаю успешной экспедиции велит нести перед царем свечи, сделанные из воска, и светильники, а по случаю взятия неприятельского города устраивает настоящий триумф и посвящает Богу шатер, ковчег, светильник, стол, жертвенники и священные сосуды. Вероятно, во время посвящения возжигался огонь, для этих целей использовались специальные атрибуты (среди которых на первом месте были светильники), в том числе жертвенники. Поэтому появление их в престижных погребениях раннесредневековых кочевников, следовавших за своим правителем в потусторонний мир, не случайно.

В иранской религии, зороастризме, согласно учению пророка Заратуштры, предпочтение было отдано одному Богу, Премудрому Господу – Ахурамазде. Ему поклонялись как великому божеству. Заратуштра осудил кровавые жертвоприношения, признавая лишь огненные жертвоприношения, считая огонь символом праведности и единственно верным путем к бессмертию. В жертву богам приносили кровь животных, огонь и сок сомы. Как пишет Иосиф, каган поклонялся Богу, которого именовал Господином. Он подчеркивал свою заслугу перед ним, жертвуя ему имущество. Согласно сообщению Иосифа, это были шатер, светильник, жертвенники и сосуды. Этот перечень предметов входил в состав приношений в большеорловском комплексе.

Более строгий набор культовых предметов мы находим в сообщении Гардизи. Это свечи, сделанные из воска, и светильники. Для свечи был необходим вертикальный шест с заостренным верхним концом. Появление изделий бруснянского типа, по-видимому, является поздней репликой в развитии этих культовых аксессуаров. Бруснянская находка представляет собой как бы «симбиоз» трех предметов: жертвенника, светильника и подсвечника.

Возможно, в большей степени инфильтрация инокультурных явлений коснулась византийской культуры, связанной с распространением другой мировой религии – христианства. В культурном слое Хазарской крепости были обнаружены детали разобранного византийского храма [1, с. 11–13]. Немало христианских атрибутов обнаружено в подкурганых степных захоронениях. Тем не менее хазары

всегда оставались язычниками, попытки навязать им одну из мировых религий были обречены на провал [17].

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Работа выполнена в рамках «Изучения межкультурных взаимодействий населения Нижнего Дона с древнейших времен до нового времени» (тема № 100.12).

<sup>2</sup> Искренне благодарен А.А. Иванову за ценные сведения из письменных источников о культовых атрибутах хазарского царя.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артамонов, М. И. Средневековые поселения на Нижнем Дону по материалам Северо-Кавказской экспедиции / М. И. Артамонов // Известия Государственной академии истории материальной культуры. Вып. 131. – Ленинград : ОГИЗ, 1935. – 118 с.
2. Артамонов, М. И. История хазар / М. И. Артамонов. – СПб. : Гос. Эрмитаж, 1962. – 523 с.
3. Афанасьев, Г. Е. Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства? / Г. Е. Афанасьев // РА. – 2001. – № 2. – С. 43–55.
4. Багаутдинов, Р. С. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья) / Р. С. Багаутдинов, А. В. Богачев, С. Э. Зубов // Самара : Самарский региональный фонд «Полдень. XXII век», 1998. – 286 с.
5. Безуглов, С. И. О монете из Большой Орловки / С. И. Безуглов // Средневековые древности Дона : материалы и исследования по археологии Дона. Вып. II. – М. ; Иерусалим : Гешарим, 2007. – С. 114–118.
6. Бойс, М. Зороастризм. Вера и обычай / М. Бойс. – СПб. : Центр «Петербургское востоковедение», 1984. – 288 с.
7. Власкин, М. В. Раннесредневековые курганы в междуречье Сала и Маньча / М. В. Власкин, Л. С. Ильюков // РА. – 1990. – № 1. – С. 137–153.
8. Гардизи, Абу Са'ид. Зайн ал-Ахбар / Абу Са'ид Гардизи // Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: [http://www.vostlit.info/Texts/rus7/Gardizi/frameset\\_1.htm](http://www.vostlit.info/Texts/rus7/Gardizi/frameset_1.htm). – Загл. с экрана.
9. Даркевич, В. П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. / В. П. Даркевич. – М. : Наука, 1976. – 199 с.
10. Ильюков, Л. С. Раннесредневековый комплекс из Большой Орловки / Л. С. Ильюков, В. М. Косяненко

// Средневековые древности Дона : материалы и исследования по археологии Дона. Вып. II. – М. ; Иерусалим : Гешарим, 2007. – С. 85–113.

11. Ильюков, Л. С. Назаровская находка 1914 г. / Л. С. Ильюков // Хазарские древности. – Аксай : Аксайский военно-исторический музей, 2013. – С. 176–192.

12. Ковалевский, А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 991–922 гг. / А. П. Ковалевский. – Харьков : Изд-во Харьк. ун-та, 1956. – 345 с.

13. Копылов, В. П. Погребение знатного воина хазарского времени из могильника Саловский / В. П. Копылов, А. А. Иванов // Средневековые древности Дона : материалы и исследования по археологии Дона. Вып. II. – М. ; Иерусалим : Гешарим, 2007. – С. 119–153.

14. Коковцев, П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. / П. К. Коковцев. – Л. : Типография АН ССР, 1932. – 134 с.

15. Косяненко, В. М. Погребение у слободы Большая Орловка ранний памятник салтово-маяцкой культуры / В. М. Косяненко // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1983. – С. 113–117.

16. Круглов, Е. В. Этапы обращения византийских монет VI–VIII вв. в Восточноевропейских степях и их датирующие возможности в памятниках археологии / Е. В. Круглов // Археологические записки. Вып. 4. – Ростов н/Д : Дон. археол. о-во, 2005. – С. 87–95.

17. Плетнева, С. А. Хазары / С. А. Плетнева – М. : Наука, 1976. – 96 с.

18. Тревер, К. В. Сасанидское серебро / К. В. Тревер, В. Г. Луконин // Собрание Государственного Эрмитажа. – М. : Искусство, 1987. – 240 с.

19. Флерова, В. Е. Хазарские курганы с ровиками: Центральная Азия или Восточная Европа / В. Е. Флерова // РА. – 2001. – № 2. – С. 71–82.

20. Флеров, В. С. Цимлянский комплекс хазарского времени на Нижнем Дону / В. С. Флеров // Поволжская археология. – 2015. – № 1 (11). – С. 4–36.

21. Шевченко, Н. Ф. «Сарматские жрицы», или Еще раз к вопросу о материнском роде у сарматов / Н. Ф. Шевченко // ВДИ. – 2006. – № 1. – С. 141–154.

## REFERENCES

1. Artamonov M.I. Srednevekoveye poseleniya na Nizhnem Donu po materialam Severo-Kavkazskoy ekspeditsii [Medieval Settlements on the Lower Don According to the Materials of the North-Caucasian Expedition]. *Izvestiya Gosudarstvennoy akademii istorii materialnoy kultury. Vyp. 131* [News of the State Academy of the History of Material Culture. Iss. 131]. Leningrad, OGIz Publ., 1935. 118 p.

2. Artamonov M.I. *Istoriya khazar* [History of the Khazars]. Saint Petersburg, Gos. Ermitazh Publ., 1962. 523 p.

3. Afanasyev G.E. Gde zhe arkheologicheskie svidetelstva sushchestvovaniya Khazarskogo gosudarstva? [Where is the Archaeological Evidence of the Existence of the Khazar state?]. *RA*, 2001, no. 2, pp. 43–55.

4. Bagautdinov R.S., Bogachev A.V., Zubov S.E. *Prabolgary na Sredney Volge (u istokov istorii tatar Volgo-Kamya)* [Prabolgar in the Middle Volga (at the Origins of the History of the Tatars of Volga-Kama Region)]. Samara, Samarskiy regionalnyy fond «Polden. XXII vek», 1998. 286 p.

5. Bezuglov S.I. O monete iz Bolshoy Orlovki [About a Coin from the Bolshaya Orlovka]. *Srednevekoveye drevnosti Dona: materialy i issledovaniya po arkheologii Dona. Vyp. II* [Medieval Antiquities of the Don: Materials and Studies on the Archeology of the Don. Iss. II]. Moscow; Ierusalim, Gesharim Publ., 2007, pp. 114–118.

6. Boys M. *Zoroastrizm. Verovaniya i obychai* [Zoroastrianism. Beliefs and Customs]. Saint Petersburg, Peterburzhskoe vostokovedenie Publ., 1984. 288 p.

7. Vlaskin M.V., Ilyukov L.S. Rannesrednevekoveye kurgany v mezhdurechye Sala i Manycha [Early Medieval Barrows in the Interfluvium of Sala and Manych]. *RA*, 1990, no. 1, pp. 137–153.

8. Gardizi Abu Said. Zayn al-Akhbar. *Vostochnaya literatura. Srednevekoveye istoricheskie istochniki Vostoka i Zapada* [Eastern Literature. Medieval Historical Sources of the East and the West]. URL: [http:// www.vostlit.info/Texts/rus7/Gardizi/frametext\\_1.htm](http://www.vostlit.info/Texts/rus7/Gardizi/frametext_1.htm).

9. Darkevich V.P. *Khudozhestvennyy metall Vostoka VIII–XIII vv.* [Artistic Metal of the East of the 8<sup>th</sup>–13<sup>th</sup> Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 199 p.

10. Ilyukov L.S., Kosyanenko V.M. Rannesrednevekoveyy kompleks iz Bolshoy Orlovki [Early Medieval Complex from the Bolshaya Orlovka]. *Srednevekoveye drevnosti Dona: materialy i issledovaniya po arkheologii Dona. Vyp. II* [Medieval Antiquities of the Don: Materials and Studies on the Archeology of the Don. Iss. II]. Moscow; Ierusalim, Gesharim Publ., 2007, pp. 85–113.

11. Ilyukov L.S. Nazarovskaya nakhodka 1914 g. [The Nazarov Discovery of 1914]. *Khazarskie drevnosti [Khazar Antiquities]*. Aksay, Aksayskiy voenno-istoricheskiy muzey, 2013, pp. 176–192.

12. Kovalevskiy A.P. *Kniga Akhmeda Ibn-Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 991– 922 gg.* [The Book of Ahmed Ibn Fadlan about His Journey to the Volga in 991–992]. Kharkov, Izd-vo Khark. un-та, 1956. 345 p.

13. Kopylov V.P., Ivanov A.A. Pogrebenie znatnogo voina khazarskogo vremeni iz mogilnika

Salovskiy [Burial of a Noble Warrior of the Khazar Time from the Salovsky Burial Mound]. *Srednevekovye drevnosti Dona: materialy i issledovaniya po arkheologii Dona. Вып. II* [Medieval Antiquities of the Don: Materials and Studies on the Archeology of the Don. Iss. II]. Moscow; Ierusalim, Gesharim Publ., 2007, pp. 119-153.

14. Kokovtsev P.K. *Evreysko-khazarskaya perepiska v X v.* [The Jewish-Khazar Correspondence in the 10<sup>th</sup> Century]. Leningrad, Tipografiya AN SSR, 1932. 134 p.

15. Kosyanenko V.M. Pogrebenie u slobody Bolshaya Orlovka ranniy pamyatnik saltovomayatskoy kultury [Burial at the Settlement of Bolshaya Orlovka – an Early Monument of the Saltovo-Mayatsk Culture]. *Problemy khronologii arkheologicheskikh pamyatnikov stepnoy zony Severnogo Kavkaza* [Problems of Chronology of Archaeological Monuments of the Steppe Zone of the North Caucasus]. Rostov n/D, Izd-vo Rost. un-ta, 1983, pp. 113-117.

16. Kruglov E.V. Etapy obrashcheniya vizantiyskikh monet VI–VIII vv. v Vostochnoevropeyskikh stepyakh i ikh datiruyushchie vozmozhnosti v pamyatnikakh arkheologii [Stages of Byzantine Coins Circulation in the

6<sup>th</sup>–8<sup>th</sup> Centuries in the Eastern European Steppes and their Dating Opportunities in the Monuments of Archaeology]. *Arkheologicheskie zapiski. Вып. 4* [Archaeological Notes. Iss. 4]. Rostov n/D, Don. arkheol. izd-vo, 2005, pp. 87-95.

17. Pletneva S.A. *Khazary* [The Khazars]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 96 p.

18. Trever K.V., Lukonin V.G. Sasanidskoe srebro [Sasanid Silver]. *Sobranie Gosudarstvennogo Ermitazha* [Collection of the State Hermitage]. Moscow, Isskustvo Publ., 1987. 240 p.

19. Flerova V.E. Khazarskie kurgany s rovikami: Tsentralnaya Aziya ili Vostochnaya Evropa [Khazar Barrows with Rovics: Central Asia or Eastern Europe]. *RA*, 2001, no. 2, pp. 71-82.

20. Flerov V.S. Tsimlyanskiy kompleks khazarskogo vremeni na Nizhnem Donu [Tsimlyansky Complex of the Khazar Time in the Lower Don]. *Povolzhskaya arkheologiya*, 2015, no. 1 (11), pp. 4-36.

21. Shevchenko N.F. «Sarmatskie zhritsy», ili Eshche raz k voprosu o materinskom rode u sarmatov [“Sarmatian Priestesses”, or Once Again on the Question of the Maternal Gender of the Sarmatians]. *VDI*, 2006, no. 1, pp. 141-154.

### Information About the Author

**Leonid S. Ilyukov**, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Laboratory of Archaeology of Academic Department of SSC RAS Presidium, Prosp. Chekhova, 41, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation, [iljukov@ssc-ras.ru](mailto:iljukov@ssc-ras.ru), <http://orcid.org/0000-0002-8068-9412>

### Информация об авторе

**Леонид Сергеевич Ильюков**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, лаборатория археологии научной части Президиума ЮНЦ РАН, просп. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, [iljukov@ssc-ras.ru](mailto:iljukov@ssc-ras.ru), <http://orcid.org/0000-0002-8068-9412>